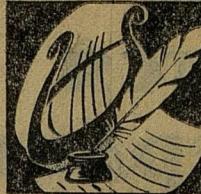

„девять муз“. дискуссии, обозрения

Валентин САФОНОВ

Писательские раздумья

Сердце свое не продать...

НА НАШЕЙ улице — праздник: Весенний, Есенинский. В генеральском ранге Весенне-юного — пятый по счету.

Эти заметки продиктованы не желанием прощать Есенина по-новому, хотя, уверен, необходимость такого прочтения явственно ощущается. Считаю, однако, что это задача для специалистов. Мне же хочется поделиться раздумьями о судьбе поэта, о его творчестве.

В заглавие выношу слегка измененную строку из «Анны Снегиной», где крестьяне, обращаясь к Поэту, говорят:

«...Ты — свойский, мужицкий, наш.
Бахвалишься словой не очень

И сердце свое не продашь...»

Этим я и определяю общий настрой раздумий...

Молодость моего поколения застала многих из тех, кто видел и слышал Есенина, говорил с ним. Были среди них люди знаменитые, были — не очень, были и вовсе не знаменитые.

Сначала через легенды, анекдоты, байки приходило к нам первое знание о Есенине. Примечательно, что Есенин — персонаж народного словотворчества — был освещен тем же мягким светом всеобщей любви, каким освещают обычно в этом жанре Пушкина и Лермонтова. Такое достается по-настоящему любым.

А стихи узнавались по капле, разрозненно: где-то, что-то... Впервые подлинную книжку поэта мне, восьмикласснику, показал учитель логики Владимир Васильевич Абакумов. Потеряв на фронте ноги, пройдя через госпитали и неимоверные страдания, он уберег-таки томик, изданный в Ленинграде при жизни Есенина. Я выпросил книжку под честное слово и, пока переписывал ее «от доски до доски», забыл про школу.

Когда призвали на флот, рукописную тетрадь прихватил с собой. Однажды в базовом матросском клубе подошел ко мне «годок», сверстник. Невысокий, плотно сбитый матрос:

— Ты, стало быть, рязанский, земляк Есенина. А что знаешь о нем?

Знал я немного, но, припоминая, обмолвился: жива мать поэта — Татьяна Федоровна, здравствуют сестры — Катя и Шура.

— Здорово! Вот бы закатиться в Константиново, поговорить с ними, — загорелся морячок. Звали его Николай Рубцов.

Великие книги пишутся не на один день. Восемьсот строк «Анны Снегиной» — всего 800! — не моментальная фотография какого-то, пусть и драматического эпизода, не сколок современной поэту жизни. Они, эти восемьсот строк, еще и пророчество на будущее. Тут вот о чем надо помнить. Каждое время прочитывает литературу по-своему. Краснокосыничные комсомолки тридцатых годов безутешно оплакивали ранний уход из жизни Вали-Валентины, воспетой Багрицким. И восхищались

мужеством пионерки: на смертном одре не сняла галстука, оттолкнула крест. Страдания Валиной матери были отодвинуты сердцем... Перечитайте сегодня написанную в бодром маршевом ритме «Смерть пионерки», пожалейте обеих: девочку с ее слепым, бесчеловечным героизмом и незрячую от горя мать. И задумайтесь над тем, кстати, где, в каком горниле выковывали ту кувалду, которой крушили купола и стены тысячелетних российских храмов? Все начиналось с отрицания опыта, нахитого отцами, ледами, прадедами. Но, во имя справедливости, вот о чем не могу умолчать. Тех же краснокосыничных комсомолок тридцатых годов, застигнутых за чтением Есенина, исключали из организации, выгоняли из вузов...

Сняв сегодня с полки «Анну Снегину», лег-

ко, без подсказки определим пути-дороги персонажей поэмы, угадаем и то, о чем не мог знать стихотворец. Вот Мельник — гостеприимная, распахнутая миру душа, в то же время он — хозяин, владелец мельницы. Что там, в книге судеб? Однозначно: раскулачивание с обязательной высылкой на Соловки или в Сибирь... Прон Оглоблин с яростной его мечтой о коммуне. Не расстреляй его деникины в двадцатом — скорее всего расстреляли бы своим в тридцать седьмом. За прямоту характера... Наконец, Лабутя. Этот, как мы знаем, выжил, уцелел. И не обижен пока, благоденствует.

Есть и еще один персонаж: сам Поэт — Сергей, Серуха. Но тут, по-моему, все ясно.

СОВРЕМЕННЫЕ нам поэты часто клянутся именем России или громкого голоса декларируют любовь к ней.

Есенин Россией не клялся. Риторических признаний в любви к ней не сочинял. Образ Руси в его стихах естествен и прост, как дыхание здорового человека:

О Русь, малиновое поле
И синь, упавшая в реку...

Он был неискореним русским — в каждом слове, в каждом поступке, пусть даже не всегда и праведном. Был русским, когда — вчерашний деревенский парнишка, златокудый пастушок — тешил солеными частушками «салонный вылощенный сброд». И много позже там, за рубежами России, когда — в чаду эмигрантского притона, лягая от тоски по Родине, — вперебив белогвардейскому «Боже, царя храни...» загремел «Интернационалом». И в тот, пока еще малоисследованный отрезок его жизни, когда порученцы Марии Спиридоновой припилили в Константиново склонять его к участию в эсеровском заговоре. Рассчитали правильно: известный крестьянский поэт станет знаменем в руках мятежников. Поэт наотрез отказался: не по пути.

Он и для трепетно любимого им Пушкина нашел удивительно точные, емкие слова: русский стал судьбой.

Об отношении Есенина к Пушкину я тут не случайно. Замечено: когда России плохо — тотчас спускаются тучи и над головой первого нашего Поэта. Вспомним ортодоксов юной революции с их глумливым требованием «бросить Пушкина с парохода современности». Гремело — и как: нахально, назойливо! — на всех перекрестках голодной и холодной Руси, над руинами, оставленными первой мировой и гражданской войнами. И теперь вот, в пору новой революционной ломки, когда жизнь откровенно нелегка, когда, не ведая порой, «куда несет нас рок событий», завтрашнего дня прозреть не в состоянии, вновь поднялась, нахлынула мутная, дегтяная волна. «Пушкина в XXI веке не будет», — пророчествует в «Книжном обозрении» Нина Берберова, про-

жившая семь десятилетий в эмиграции и не очень-то, судя по ее признаниям, соскучившаяся по месту своего рождения. А на страницах солидного писательского журнала под руку с Пушкиным прогуливается ставший пажиканином Абрам Терц. Пушкин в его изображении, растиражированном «Октябрём», недосок, извращенец, гомункулус, слепленный из одних патологических отклонений.

Умысел подобных сочинений прост, как дважды два. Достоинство, жизнеспособность любой нации, любого народа определяются его культурным богатством, наличием духовных ценностей, самые яркие, самые притягательные из которых обретают значение непререкаемых символов. Перечеркнуть, уничтожить, вытравить из памяти «того, кто русской стал судьбой» — значит, и народ, нацию приготовить к духовному умиранию.

Да, мы — Иваны, как нередко величают нас по зарубежьям. Но не из тех — не из не помнят родства. И дорог нам Пушкин есенинский, а не тот, что пригрезился Абраму Терцу. Читали, читаем и не устанем читать и гордиться, хотя бы и в недалеком уже XXI веке!..

СЕГОДНЯ, в разгар всесоюзных праздничных торжеств, вспоминается мне октябрь 1965 года, открытие есенинского музея в Константинове.

Свое выступление на митинге, предварившем открытие музея, Василий Федоров начал так: «Есенина для России сберег народ».

С тех пор праздник не просто подрос — вырос, необъятный стала его география: Москва, Ленинград, Ташкент, Баку, Тбилиси... Можно перечислять и дальше, да в том ли дело? И самый длинный перечень адресов останется пресловутым прокрустовым ложем для размаха есенинской поэзии.

Нужна, значит, его поэзия, потому что утверждает поэт доброту человека, открывает в нем лучшие силы души, добре отношение ко всему живому, сущему. Потому что воспел красоту и мир. Потому что любил человечество, был подлинным интернационалистом. А любовь к человечеству, подлинный интернационализм начинаются с неподдельной любви к Родине — единственной и неповторимой у каждого из нас. Вот почему и сегодня — прислушайтесь! — в Константинове на неласковом осеннем ветру звучат незабываемые, пронзительные строки:

Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть,—
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С называнием кратким «Русь».

Рязань.